

ТЕХНОЛОГИИ И ОБРАЗЫ ВЛАСТИ

УДК 910.4, 930.2, 93/94

doi 10.17072/2219-3111-2025-4-96-108

EDN: GBLESV

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.31

Ссылка для цитирования: *Маретина К. А.* Путевые заметки А. Н. Краснова из путешествия по Индии в контексте ориентализма // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 4(71). С. 96–108. DOI: 10.17072/2219-3111-2025-4-96-108. EDN: GBLESV

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ А. Н. КРАСНОВА ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ИНДИИ В КОНТЕКСТЕ ОРИЕНТАЛИЗМА¹

К. А. Маретина

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

ksenya.maretina@gmail.com

Scopus Author ID: 58160092600

Researcher ID: AIE-4654-2022

SPIN-код: 9085-2966

Индийские главы из книги российского ученого и путешественника Андрея Николаевича Краснова «Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного плавания» (1898), написанной в жанре путевых заметок, рассматриваются в контексте ориентализма в соответствии с ключевыми концепциями, предложенными Эдвардом Сайдом. А. Н. Краснов посетил Индию в 1895 г. в составе естественно-научной экспедиции. Травелог, написанный им по возвращении, не получил должного внимания в научной среде. Опираясь на полемику в западных академических кругах относительно предполагаемой специфики российского ориентализма, инициированную в 2000 г. американским историком-руссистом Натаниэлем Найтом, автор анализирует восприятие А. Н. Красновым индийской культуры, а также колониальной деятельности британцев в Индии и их взаимоотношений с местным населением. В статье утверждается, что в противовес ключевой для ориентализма концепции дихотомии Востока и Запада российский исследователь уделяет больше внимания и придает большее значение чертам сходства, а не различиям между культурами народов Индии и Российской империи. Результатом такого подхода являются нивелирование цивилизационной дистанции и деконструкция представления о жителях Индии как об онтологическом Другом. Из путевых заметок становится также очевидна двойственная позиция ученого по отношению к британцам в Индии, который высоко оценивает их вклад в развитие страны, но критически отзывается об их отношении к местному населению, считая его высокомерным. Делается вывод о своеобразии исследовательского взгляда А. Н. Краснова и несоответствии его суждений парадигме ориентализма, предложенной Э. Сайдом. Вместе с тем обнаруживаются параллели с суждениями других российских путешественников XIX в. Выдвигается предположение о том, что внимательное изучение творчества российских авторов XIX в. в контексте ориенталистских, имагологических и постколониальных теорий может способствовать лучшему пониманию как российского ориентализма, так и российской исторической идентичности.

Ключевые слова: путевые заметки, научная экспедиция, историко-этнографическое наследие, Британская Индия, Британская империя, ориентализм, постколониализм.

Введение

В 1978 г. увидел свет «Ориентализм» авторства Эдварда Саида. Ученый рассматривает историю и природу представлений Запада о Востоке как об онтологическом Другом, исследует влияние этих представлений на мировую политическую и культурную динамику. В том числе Э. Сайд анализирует презентацию Востока в текстах авторства отдельных западных востоковедов, писателей и колониальных администраторов. Его исследование вызвало большой инте-

рес и широкое обсуждение в научных кругах, вошло в состав классики современной гуманистической мысли [Бобровников, 2008, с. 342]; его тезисы сохраняют свою значимость в области постколониальных и культурологических изысканий.

Говоря об ориентализме в XIX в., Э. Сайд имеет в виду прежде всего деятельность Британии и Франции [Said, 1979, р. 3–4]. Впоследствии ученые, развивая его идеи, обращались к теме ориентализма в отношении Российской империи и СССР. В то время как западные региональные изыскания 1990-х гг., как справедливо отмечает исследователь К. С. Васильцов, во многом сохранили – и в какой-то мере сохраняют сейчас – ангажированный подход западной советологии периода холодной войны, к началу XXI в. они приняли более философский характер [Васильцов, 2019, с. 20]. Так, в 2000 г. в американском академическом журнале «Славянское обозрение» вышла статья историка-руссиста Натаниэля Найта «Григорьев в Оренбурге, 1851–1862: русский ориентализм на службе империи?», в которой ученый рассматривает деятельность востоковеда Василия Васильевича Григорьева в Оренбурге как пример, свидетельствующий о своеобразии российского ориентализма. В ответ на исследование Н. Найта в академическом журнале «Критика» была опубликована критическая статья историка-востоковеда Абiba Халида «Русская история и дебаты по поводу ориентализма». В том же номере вышли ответ Н. Найта на статью А. Халида «О русском ориентализме», а также статья «Есть ли русская душа у русского ориентализма?» американского слависта Марии Тодоровой, служащая комментарием к вышеобозначенной полемике. В центре этой дискуссии прежде всего сложная проблема взаимоотношений между наукой и политикой, знанием и властью в контексте российского ориентализма.

Данное исследование затрагивает другую ключевую проблему ориентализма, а именно дилемму Востока и Запада, в рамках которой Восток воспринимается как воплощение инаковости – онтологический Другой. Так, согласно Э. Сайду, Восток является культурным антагонистом Запада, «одним из его самых глубоких и наиболее часто повторяющихся образов Другого. Кроме того, Восток помог определить Европу (или Запад) как ее контрастный образ, идея, личность, опыт» [Said, 1979, р. 1–2]. Крайне высоко развитую Э. Сайдом концепцию дилеммы применительно к противопоставлению Востока и Запада оценил Н. Найт, который указывает на внимание автора «Ориентализма» к роли дилеммы в артикуляции идентичности [Knight, 2000c, р. 711]. Неизменность инаковости Востока отмечает и оппонент Н. Найта – А. Халид [Khalid, 2000a, р. 693]. Наконец, согласно одному из основных определений, данных ориентализму Э. Сайдом, это «стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии, проводимом между “Востоком” и (большую часть времени) “Западом”» [Said, 1979, р. 2–3]. Н. Найт указывает на то, что пример В. В. Григорьева демонстрирует, что методология Э. Сайда, предложенная для понимания природы западного ориентализма, должна использоваться, если это вообще принципиально возможно, применительно к российскому контексту с осторожностью и оглядкой [Knight, 2000b, р. 97].

Идею о своеобразии ориентализма в его российском прочтении можно увидеть и у многих отечественных исследователей. Так, согласно востоковеду К. С. Васильцову, «ориентализм в том виде, в котором его представляет Э. Сайд, основывается на унифицированном эссенциалистском взгляде на Восток и “восточного человека” с его неизменными чертами и характеристиками, отличными от Запада. В противоположность этому “другой” в России – отнюдь не обязательно загадочный абориген, живущий за морями и океанами, а зачастую просто сосед, представитель этнических анклавов, глубоко проникших и веками сосуществующих на русских территориях» [Васильцов, 2019, с. 22–23]. На большую сложность и многообразие «Востоков» для России, чем для Запада, указывает в предисловии к сборнику научных статей «Русский ориентализм» востоковед М. Е. Резван [Резван, 2019, с. 9]. Социолог культуры А. И. Рейтблат, обобщая результаты рассмотренных им монографий о русском ориентализме, в которых анализируются российское востоковедение и литература, делает вывод о том, что русский ориентализм, хоть и испытал воздействие ориентализма западного, тем не менее существенно отличался от него. Как справедливо замечает А. И. Рейтблат вслед за канадским исследователем Давидом Схиммельпэннинком ван дер Ойе², в положении российских ученых по отношению к

Востоку была неизбежная двойственность: «Если Запад самоопределялся по отношению к Востоку, то Россия должна была самоопределяться и по отношению к Западу, и по отношению к Востоку» [Рейтблат, 2020]. Историк С. Н. Абашин отмечает наличие у русского ориентализма своих многочисленных особенностей и внутренних противоречий [Абашин, 2005, с. 20]. Историк К. Р. Буйнова пишет о том, что для российских путешественников XIX в. в Латинской Америке характерно сравнение реалий посещенных ими стран – природных условий, традиций, положения социальных групп – с российской действительностью (например, проведение ими параллелей между рабством в южных странах и крепостничеством в Российской империи) [Буйнова, 2013, с. 3–11], что также указывает на более сложное и гуманистическое восприятие представителей колонизированных стран Южной Америки, чем характерно для ориенталистического и колониального дискурса. Что касается Индии, исследователь П. М. Шаститко обращает внимание на то, что российско-индийские отношения в XIX в. строились главным образом не на официальной основе, и это, с одной стороны, лишало их системности и регулярности, с другой – придавало им непосредственность и гуманизм [Русско-индийские отношения в XIX веке, 1997, с. 12].

Примечателен и значим в контексте данного исследования взгляд на проблему ориентализма культуролога А. Эткинда³. Согласно исследователю, «грубо ориентализм можно определить как привычный способ обращения Первого Мира с Третьим» [Эткинд, 2002, с. 265]. Сложно определить, в какой мере идея «второго мира» применима к Российской империи. В трудах исследователей она оказывается либо «первым», либо «третьим миром»; либо субъектом ориенталистского знания- власти, либо его- ее объектом; колониальной империей, либо одним из колонизированных пространств. Таким образом, эта операция уничтожает историческое своеобразие «второго мира» [Там же, с. 265–266]. Между тем, как отмечает ученый, историку известно, что в разных ее частях, периодах и лицах Россия бывала как субъектом, так и объектом ориентализма [Там же, с. 266].

А. Эткинд (включен в реестр иноагентов) указывает на то, ориентализмы могут быть разными, однако Э. Сайд интересуется только их общностью, структурной и содержательной [Там же, с. 268]. Таким образом, согласно исследователю, ориентализм в прочтении Э. Сайда является крайне негибкой, а потому внеисторичной, системой и, соответственно, подлежит типологическому, историческому и в конечном счете индивидуализирующему анализу. Ученый отмечает, что «нет ничего априорно неверного в том, чтобы выяснить национальные и исторические особенности разных ориентализмов, к примеру, французского в отличие от британского или российского в отличие от обоих» [Там же, с. 269].

Точки зрения о своеобразии российского ориентализма придерживается и И. В. Стасевич. Согласно исследователю, в России в конце XIX – начале XX в. сложился принципиально отличный от западного варианта ориенталистский дискурс [Стасевич, 2019, с. 60]. При этом взгляды отдельных востоковедов, историков, этнографов и других исследователей на Восток также не были едиными [Там же, с. 45]. На большое разнообразие в индивидуальном восприятии Востока у различных российских литераторов и востоковедов указывает также А. И. Рейтблат [Рейтблат, 2020].

В данном исследовании ориенталистская проблема дихотомии Востока и Запада рассматривается на материале индийских глав книги А. Н. Краснова «Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного плавания» (1898), написанной в жанре путевых заметок. Андрей Николаевич Краснов (1862–1915) – российский географ, путешественник и популяризатор науки. В «письмах» исследователь описывает свою экспедицию по субтропической Азии и делится впечатлениями, наблюдениями и рассуждениями касательно традиций, образа жизни, религии, культуры, быта и особенностей общественного устройства посещенных им стран. Ограничение исследования изучением индийской части маршрута российского путешественника позволяет провести подробный анализ текста и рассмотреть не только особенности восприятия ученым индийской культуры, но и его взгляды на колониальную политику Британской империи в Индии⁴.

Актуальность данному исследованию придает то, что книга А. Н. Краснова «Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного плавания» (1898) не получила должного внимания по-

следующих исследователей, и одной из задач данного исследования является ввести ее в научный оборот в качестве историко-этнографического источника. Немаловажно также то, что наследие Э. Саида, к которому обращается автор данной статьи, в России остается относительно малоизученным, а применимость теорий ученого к российской истории продолжает вызывать много споров [Schimmelpenninck van der Oye, 2014].

Так, М. Кучерская в своей рецензии на русскоязычный перевод книги Э. Саида указывает на то, что, в отличие от США и некоторых европейских стран, в России «Ориентализму» не суждено стать бестселлером, так как «проблема “Другого” и европейского нарциссизма – не самая любимая тема российских интеллектуалов» [Кучерская, 2007, с. 365]. Согласно В. Боровникову, даже перевод «Ориентализма» на русский язык не способствовал в России появлению общественной дискуссии вокруг труда Э. Саида [Боровников, 2008, с. 341]. В 2013 г. Е. Е. Савицкий отмечал, что, хотя в последние годы многие российские авторы обратились к теме постколониальных исследований, количество переведенных текстов по этой проблематике невелико и еще меньше серьезных российских работ [Савицкий, 2013, с. 25]. Ученый также указывает на важность публикации комментированных источников и переосмысления российской интеллектуальной истории XIX–XX вв. [Там же, с. 32].

«Письма» А. Н. Краснова как историко-этнографический источник

В Индию А. Н. Краснов путешествовал дважды – в 1892 и 1895 гг. Первая поездка была осуществлена ученым на личные, весьма скромные, средства. В 1895 г. Удельное ведомство Министерства императорского двора организовало экспедицию в субтропические регионы Азии, главной целью которой было изучение на месте культуры чая для последующего разведения этого ценного растения на плантациях Удельного ведомства в Батумской области. Экспедицию в Азию возглавил агроном И. Н. Клинген; в ее состав вошли, помимо А. Н. Краснова, сотрудники Удельного ведомства В. О. Симонсон и Г. Г. Снежков. Поездка была продуктивной: из Китая, Индии, Японии, Цейлона было вывезено большое количество посадочного материала, что во многом послужило толчком к развитию садоводства и сельского хозяйства на черноморском побережье Кавказа.

Однако экспедиция не носила исключительно естественно-научный характер. А. Н. Краснов пишет в своем последующем отчете, что возложенное непосредственно на него ведомством задачей было «определение естественно-исторических условий культуры чая и сопутствующих ему растений» (Краснов, 1897, с. 1). Как отмечает учений, «только зная естественно-исторические условия, в которые поставлена культура растений, только зная особенности быта и строй жизни и хозяйства того населения, которое ими занимается, можно понять причины, обуславливающие особенности той или иной культуры» – и только так, по мысли исследователя, можно избежать слепого подражания приемам хозяйства, принятым в других странах, но непригодным для России (Там же). Действительно, значительное внимание в трудах А. Н. Краснова, написанных им по возвращении, уделяется описанию исторических, этнографических, культурных особенностей исследованных регионов.

Следует также отметить, что из Азии А. Н. Краснов привез обширную этнографическую коллекцию, включающую различные предметы религиозного назначения, утварь, элементы одежды и т.д. Все эти предметы хранятся сейчас в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук в Санкт-Петербурге.

По результатам экспедиции исследователем было написано несколько трудов. В дальнейшем книги А. Н. Краснова пользовались популярностью и сыграли значительную роль в расширении знаний российского массового читателя о Востоке, формировании общественного мнения в России об Индии, а также в развитии гуманистических традиций отечественного востоковедения [Русско-индийские отношения в XIX веке, 1997, с. 322].

Ученый изложил материалы своего путешествия в двух книгах, первой из которых была отведена роль отчета Удельному ведомству, где автор привел в первую очередь «специальные научные наблюдения» (Краснов, 1898а, с. 1), вторую он наполнил своими путевыми впечатлениями, предназначенными для более широкого круга читателей. Такого принципа разделения

специализированного научного отчета и последовательного описания путешествия исследователь придерживался и во время предыдущих своих экспедиций (Там же).

В первой книге, изданной двумя томами (*Краснов, 1897; Краснов 1898b*), исследователь подробно описывает особенности чаеводства в странах субтропической Азии, включая Индию. В отчете ученый часто прибегает к компаративному методу, проводит многочисленные параллели между климатом и растительностью посещенных им регионов Азии и южных территорий Российской империи. Метод сравнения и сопоставления занимает значительное место и в этнографических описаниях, нашедших место в отдельном издании.

Книга «Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного плавания» (1898) дополняет отчет путешественника Удельному ведомству и представляет собой описание экспедиции в хронологическом порядке, разбитое на главы, именуемые «письмами». Она содержит богатый материал по этнографии Индии и других посещенных исследователем субтропических стран. Как следует из текста самой книги, в Индию Краснов прибыл из Египта, посетил Бомбей (ныне Мумбай), Агру, Дели, Сахаранпур и отправился в чайный округ Катри в Западных Гималах, оттуда – по долине реки Ганга в Калькутту. Затем, посетив Дарджилинг и побывав на границе Тибета в Восточных Гималах, исследователь отбыл в Цейлон (ныне Шри-Ланка), по пути сделав остановку в Мадрасе (ныне Ченнаи) (*Краснов, 1898a*, с. 17).

Для записей А. Н. Краснова характерны многочисленные сравнения образа жизни и традиций народов Индии и России (включая как русский народ, так и другие народы Российской империи); исследователь находит и отмечает как сходства, так и различия. Ученый восхищается сикхами, которые внешне и по своей культуре напоминают ему представителей Кавказа (*Краснов, 1898a*, с. 168). Уклад индийской семьи в предгорьях Гималаев напоминает ему великорусскую крестьянскую семью (Там же, с. 178). Кастовую систему он сравнивает с профессиональной специализацией в России (отмечая жесткость первой в сравнении с гораздо большей гибкостью последней) (Там же, с. 181), а многообразие индийских языков – с разнообразием языков в Европе. Отмечает, что в отношении положения женщин семейные традиции в России гораздо либеральнее по сравнению с индийскими (Там же, с. 160). В Дарджилинге и его окрестностях он встречает представителей таких народов, как непальцы и тибетцы, которых находит «как две капли воды» похожими на калмыков, бурятов и алтайцев (Там же, с. 199–200). Этнографическое описание народности лепча сопровождается их сравнением с калмыками (Там же, с. 203).

Сравнения имеют как общий, так и более частный характер. Например, стиль исполнения пьесы по сюжету одной из сказок «Тысяча и одна ночь», которую исследователь посетил в Калькутте, напомнил путешественнику малороссийские пьесы г-на Кропивницкого (Там же, с. 252).

Исследователь критически отзыается о том представлении об Индии, которое дают его соотечественникам хорошо известные отечественному читателю тех лет поэма «Наль и Дамаянти»⁵ и мистические тексты авторства религиозного философа Елены Петровны Блаватской, отмечая, что прочитавшим эти произведения Индия видится страной исключительно тропической, полной экзотического очарования и волшебства (Там же, с. 83). С различными ландшафтами Российской империи ученый сравнивает окрестности Бомбея, равнины вокруг Ганга, рельефы плоскогорья Декан⁶.

Выступая против экзотизации Индии, исследователь считает более ценными для ознакомления с этой страной «живые рассказы из современного быта, написанные самими индийцами», а не очерки путешественников, там побывавших (Там же, с. 265). Говоря об индийских писателях, наиболее интересной и заслуживающей внимания исследователь признает не индийскую литературу на английском языке, а литературу на индийских языках, которую он рассматривает как продукт взаимодействия «двух таких противоположных по духу цивилизаций, как английская и древнеиндийская» (Там же, с. 262).

Здесь стоит вспомнить, что в парадигме ориентализма важным свойством Востока является не только его инаковость, но и его немота: Восток предстает немым объектом изучения – немым Другим [*Said, 1985, p. 93*]. Так, согласно Э. Сайду, «вызов ориентализму и колониаль-

ной эпохе, органичной частью которой он является, был вызовом немоте, в которую Восток как объект был погружен» [Ibid.].

Рекомендация ознакомиться с произведениями самых индийцев, а с ними – с современной Индией потворечит представлению об ориенталистах той эпохи как об исследователях, ориентированных исключительно на Древнюю Индию и объективирующих Восток как предмет изучения и контроля. Так, Э. Сайд следующим образом описывает представления о Востоке в научных кругах XIX в.: «“Хороший” Восток неизменно был классическим периодом где-то в давно ушедшей Индии, тогда как “плохой” Восток влакил свое существование в современной Азии» [Ibid., p. 99]. При том, что описание стран Азии в «письмах» А. Н. Краснова не лишено стереотипизации и обобщений, называя Азию «колыбелью религиозных и философских учений, возвышающих нравственность человечества», исследователь пишет об Индии как о стране, «где прежде и теперь учения эти наиболее волнуют умы, наиболее интересуют местное общество» (Краснов, 1898а, с. 109), тем самым распространяя представление об индийцах как о народе, живо интересующимся различными философскими и религиозными учениями, на современность.

Во введении к своим «письмам» А. Н. Краснов указывает, что, «отправляясь в качестве члена чайной экспедиции, я надеялся... собрать наблюдения над жизнью интереснейших из культурных народов земного шара, жизни сельской, наиболее близкой русскому человеку» (Там же, с. 16). В то время как ориентализация предполагает абсолютную цивилизационную дистанцию [Khalid, 2000а, p. 698] и отсылает к различиям между некими (условными) типами [Todorova, 2000, p. 734], у А. Н. Краснова можно видеть, как эта дистанция нивелируется за счет пронизывающих индийские «письма» ученого сопоставления российских и индийских реалий и традиций, посредством которых он обнаруживает в первую очередь много общего между ними. В тексте исследователя прослеживается стремление найти общие, нередко общечеловеческие черты. Так, обращаясь к роману «Испорченное дитя»ベンгальского писателя Пиэри Чанда Митры (Peary Chand Mitra), А. Н. Краснов пишет, что автор остроумно высмеивает «общую нам и индийцам боязнь перед мнением света, заставляющую влезать в долги и тратиться на приемы и пышные церемонии» (Краснов, 1898а, с. 264). Между тем, как указывает А. Эткинд (внесен в реестр иноагентов), «Другой остается Другим, плохим или хорошим, а это и есть ориентализм»; принципиальную важность в ориентализме имеют значения чуждости, стабильности и непреодолимости различий [Эткинд, 2002, с. 270].

Индийские религии в «письмах» А. Н. Краснова

В своих «письмах» А. Н. Краснов уделяет значительное внимание индуизму и буддизму. Примечательно, что исследователя особенно интересует «народная вера, созданная историей и природой страны» (Краснов, 1898а, с. 109), которая, по его наблюдению, разительно отличается от религиозных учений, исповедуемых правящими слоями Индии. Изучать эту религию, по его мнению, необходимо не по книгам, а методом наблюдения, прежде всего в местах поклонения. Посетив Агру, Дели, Сахаранпур и Бомбей, А. Н. Краснов покидает спутников и самостоятельно отправляется в священные города Индии – Матхуру и Вриндаван, мотивируя свою поездку тем, что только в маленьких городках можно увидеть и узнать настоящую Индию (Там же, с. 108).

Исследователь пользуется любой возможностью, чтобы посетить и изучить священные места Индии. Так, расстроенный необходимостью вернуться из Матхуры, чтобы присоединиться к своим коллегам, и тем самым пропустить религиозное действие, посвященное Кришне, он, как только выдается случай, отправляется в другой индуистский центр Индии – Харидвар (Там же, с. 137). Сетует о том, что он должен был спешно покинуть Харидвар и тем самым лишиться возможности более подробно ознакомиться с шиваитскими сектами, с тем чтобы воссоединиться со спутниками и отправиться в чайные районы (Там же, с. 151), то есть проследовать к непосредственной цели своей экспедиции. Посещая индуистские места поклонения, А. Н. Краснов обращает внимание на современные ему экономические и культурные процессы, связанные с индуизмом: так, старинные индийские изображения божеств вытесняются немецкими лубочными изделиями, наводнившими рынок Индии (Там же, с. 122).

Многие явления индуизма вызывают у А. Н. Краснова отвращение, включая индуистские храмы, статуи богов, традиционную кастовость индийского общества. Исследователь восхищается жизнестойкостью индуизма, но при этом считает его основанном на невежестве (Там же). В его описаниях индуизм в целом предстает чуждой, своеобразной религией, однако, несмотря на это, он находит в ней разнообразные параллели с различными явлениями российского православия.

Описание индуистских традиций и атрибутов изобилует сравнениями с православными обрядами и символами. В изображениях Кришны А. Н. Краснов находит сходство с православными иконами (Там же, с. 121); ученый сравнивает внешний вид изданий сказаний о Кришне с житиями православных святых, продаваемых у монастырей (Там же, с. 110); российские православные и индийские индуистские храмы (Там же, с. 141), аскетов – с древними христианскими отшельниками (Там же, с. 148), многообразие индуистских сект – с раскольничеством (Там же, с. 163), парикраму⁷ – с крестным ходом и хороводом (Там же, с. 167), встреченного им в Сиккиме ламу – с православным священником (Там же, с. 216), а буддийский ад «очень напоминает по характеру своему наши народные представления об аде с лизанием горячих сковород и кипячением в котлах» (Там же, с. 223). Замечает, что так же, как и у нас, у индуистов проводятся поминки (Там же, с. 160). Все эти сравнения служат практической цели и направлены на то, чтобы помочь широкому кругу отечественных читателей составить ясное представление об индийской религии, но при этом видится возможным утверждать, что они способствуют ощущающему снижению цивилизационной и культурной дистанции между Россией и Индией.

С буддизмом А. Н. Краснов стремится ознакомиться во время своего пребывания в Восточных Гималаях; в своих «письмах» он приводит рассуждения касательно его значения для местного социума, отмечая как положительные, так и отрицательные стороны. Так, согласно исследователю, буддизм в Сиккиме превратил некогда дикий народ в народ кроткий и миролюбивый, но при этом держит его под властью суеверий, выжимая из него большой процент доходов (Там же, с. 236). А. Н. Краснов замечает: в Сиккиме и Тибете местное население в силу низкого уровня развития могло воспринять буддизм только в его соединении с местным шаманизмом и мистицизмом (Там же, с. 237–239). Тем временем буддизм в других частях Индии, изначально учение высокое и нравственное, был искажен, выродиввшись постепенно в суеверие, и «затемнен последующими учениями», а в конечном итоге вытеснен вследствие невежественности основной массы населения, которым воспользовались брахманы, не желавшие терять своего кастового превосходства (Там же, с. 226).

Подобно тому, как в современном индийском буддизме А. Н. Краснов видит напластования позднейших суеверий, которые почти скрыли за собой его нравственное ядро, в шиваитских сектах индуизма ученый обнаруживает «самую последнюю степень разложения индийских религиозных начал» (Там же, с. 151). За подробными описаниями индуистских храмов, традиций и ритуалов, в которых нередко сквозит откровенное неприятие этой «языческой религии», следует описание веданты⁸, которую Краснов называет «религией интеллигентного индуза» (Там же, с. 153–154). Ученый положительно отзывается об отдельных шиваитских и вишнуитских сектах, а также о сикхизме (Там же, с. 154–155). Исследователь высоко оценивает индийское религиозное реформаторское общество «Брахмо Самадж»⁹, называя его той силой, которая могла бы объединить Индию и создать из индийцев нацию, способную как цельное государство противостоять британцам и другим завоевателям. Однако, по мнению исследователя, это будет возможно только тогда, когда (и если) в Индии будет окончательно побеждено невежество (Там же, с. 157).

Очевидно, что ученый отдает предпочтение тем религиозным течениям, которые в той или иной степени и форме проповедуют единобожие, отрицают кастовую систему и идолопоклонничество. Как пишет сам исследователь, «более высокого характера учения возникли под влиянием христианства» (Там же, с. 155). Таким образом, А. Н. Краснов оценивает индийские религиозные течения исходя из европоцентристских представлений, что вполне соответствует ориенталистской парадигме. Примечательно, однако, что ученый, говоря о непопулярности христианства в Индии, пишет о предпочтительности для индуистов идеи переселения душ над христианской идеей Ада и Рая, не делая из этого вывода об ущербности первой идеи и превос-

ходства последний, а просто отмечая как факт, объясняющий большее тяготение индийцев к движению «Брахмо Самадж», чем к библейскому учению (Там же, с. 157).

В целом описание современного автору «писем» состояния индуизма и буддизма вполне вписывается в европоцентричную ориенталистскую парадигму. В данном контексте стоит вспомнить также традиции народничества, характерные для отечественной этнографии XIX в. А. Эткинд (признан иноагентом) отмечает, что колонизация России имела центростремительный, внутренний характер; Россия колонизовала саму себя, осваивала собственный народ [Эткинд, 2002, с. 275]. Соответственно, этнография в Российской империи была нацелена прежде всего на изучение верований, обычаев и быта своего народа как Другого; в середине и конце XIX в. народничество становится доминирующей идеологией интеллигенции и самой монархии [Там же, с. 294–295]. Как справедливо указывает А. И. Рейтблат вслед за литературоведом П. В. Алексеевым, «наряду с ориентализацией (т.е. описанием чужих народов и стран как “восточных” с использованием дискурса ориентализма), важную роль в России играла самоориентализация, то есть выявление ориентальных черт собственного народа с целью критики их с точки зрения “западных” позиций» [Рейтблат, 2020].

Представляется, что во взгляде А. Н. Краснова на этнографию Индии обнаруживается заметное влияние идеологии народничества. Так, исследователь четко разделяет индийское общество на народ и элиту, сетуя о невежественности и суеверности индийского народа и высоко оценивая религиозные учения, которые исповедуют высшие слои населения страны. Примечательно, что одну из главных проблем России, тормозящих ее развитие, А. Н. Краснов видит также в крайне низком уровне образованности большей части ее населения (Краснов, 1898а, с. 633). При этом, по мнению ученого, именно изучение традиционной, народной культуры и религии дает возможность узнать настоящую Индию, чем объясняется его стремление посетить небольшие города и древние индуистские места поклонения. Таким образом, А. Н. Краснов переносит представления, характерные для российской интеллигенции в отношении своей страны, на индийскую почву.

Важно отметить, что в рассуждениях А. Н. Краснова о разнообразии наблюдаемых им в Индии религиозных течений, а также о дальнейшей судьбе индийских религий и общества читается несомненная вера в саму возможность изменения, развития, человеческого движения, которая, согласно Э. Сайду, отрицается в ориенталистической парадигме для Востока и его жителей [Said, 1985, р. 207].

А. Н. Краснов о британском правлении в Индии

Прежде чем рассмотреть взгляды А. Н. Краснова на индийскую колониальную ситуацию, следует затронуть вопрос его восприятия проблематики империи и колоний. В отношении Российской империи следует отметить значительную неоднородность его суждений. Так, ученый положительно отзыается о распространении русской культуры среди осетин (Краснов, 1911, с. 10), но резко осуждает пагубное влияние, оказанное русскими торговцами и промышленниками на жителей севера Российской империи (Краснов, 1904). При этом А. Н. Краснов указывает на засилье в России европейских предпринимателей, которых он называет колонистами, не имеющими ничего общего с русским населением (Краснов, 1898а, с. 633–635); его страшит «перспектива подчинения чуждой культуре, подчинения без пролития крови, без сражений и пушечных выстрелов, как уже подчинились ей пасынки природы, полукультурные малайцы, разные племена Индии и Америки, уже стыдящиеся своего неиспанского происхождения» (Там же, с. 635). Таким образом, в записях А. Н. Краснова Российская империя попеременно выступает как субъектом, так и объектом ориентализма. Для взгляда ученого на индийскую колониальную ситуацию также характерна значительная сложность.

Обращаясь к теме британского правления в Индии, А. Н. Краснов считает крайностями рассматривать англичан как «безжалостных эксплуататоров индийского народа», так и как «цивилизаторов погруженной в невежество массы» (Там же, с. 254). Исследователь отмечает улучшение благосостояния жителей Индии при британском господстве и положительно оценивает строительство англичанами разветвленной сети железных дорог, развитие образования в

стране, невмешательство в религиозную жизнь индийцев¹⁰. Таким образом, согласно А. Н. Краснову, нельзя «не назвать англичан благодетелями страны, внесшими сюда цивилизацию и культуру, уничтожившими зверские обычаи и давшими порядок, спокойствие и благоденствие миллионам индийского населения» (Там же, с. 266). Однако, как отмечает исследователь, в Индии они встречают со стороны населения не благодарность, а скрытую ненависть (Там же, с. 267). Главную причину этого ученый видит в пренебрежительном и откровенно расистском отношении британцев к народу Индии, которое сам исследователь осуждает: «Непопулярность англичан в Индии имеет основою своею самый характер отношения этих последних к народу. У англо-саксонской расы есть особое прирожденное самомнение и высокомерие, за которое ее не любят даже ее европейские соседи. Но свойство это становится невыносимым, когда оно распространяется на покоренные ими черно или темнокожие элементы. Для вылинявшего в туманной и мозглой атмосфере Великобритании всякий человек, в коже которого южное солнце разовьет хоть немного более пигмента, чем то положено в кодексе английских приличий, – уже не человек, а особая порода животных, которая может даже превосходить англичан способностями, развитием и образованием – как они то открыто признают по отношению к некоторым индусам – и все-таки представлять нечто меньшее, чем человек» (Там же). Помимо осуждения расизма, в данном тексте можно отметить также стереотипизацию британцев, которым российский исследователь приписывает определенные общие (крайне неприятные) черты.

Сам А. Н. Краснов, описывая, например, жителей Бенгалии, восхищается их традиционной одеждой, отмечает интеллигентность и красоту, а также высокую приспособленность их темной кожи к жаркому индийскому солнцу (Там же, с. 243–245). Читая труд отечественного путешественника, можно согласиться с мнением исследователя К. Р. Буйновой, основанном на результатах изучения восприятия российских путешественников Латинской Америки в XIX в., о том, что «в целом доброжелательное отношение русских к цветным в век расовых теорий не было формальной “толерантностью”. Судя по запискам, их авторам просто не приходило в голову усматривать в цвете кожи нечто большее, чем цвет кожи» [Буйнова, 2015, с. 104].

Действительно, в «письмах» А. Н. Краснова можно проследить как отсутствие расистских предубеждений и осуждение расовых предрассудков, так и наличие суждений, в которых путешественник обнаруживает у различных культур и народов общечеловеческие свойства, не зависящие от цвета кожи. Так, свои рассуждения о традициях, связанных с ритуальной чистотой и скверной в разных культурах, включая культуру алтайских старообрядцев, русскую и индийскую культуры, А. Н. Краснов завершает словами: «О, люди, люди, черные и белые, везде вы те же в темноте ваших предрассудков!» (Краснов, 1898а, с. 134). Согласно наблюдению К. Р. Буйновой, со ссылкой на ряд трудов российских путешественников, «в Латинской Америке русские убеждались в том, что человеческая природа везде одинакова» [Буйнова, 2015, с. 106]; то же можно сказать и про А. Н. Краснова в Индии. Примечательно, что в своих трудах, посвященных изучению народов Российской империи, исследователь также осуждает пренебрежительное отношение к «инородцам». Так, в отношении народов Севера России ученый пишет, что они не хуже нас и «их дети, отдаваемые в школы, по успехам стоят не ниже, чем у других народов» (Краснов, 1904, с. 46–47).

В полемике касательно российской специфики ориентализма А. Халид оспаривает суждения Н. Найта, который «похоже, полагает, что западноевропейские ориенталисты видели сущность Востока в расовой принадлежности» [Khalid, 2000, р. 696]. Суть различий Востока и Запада в восприятии европейских исследователей была, по наблюдению А. Халида, прежде всего цивилизационной: так, «восточные народы были таковыми, потому что принадлежали к цивилизации, которая не имела потенциала для исторического развития, не была (или же больше не была) частью истории» [Khalid, 2000а, р. 696]. Здесь следует заметить, что сам Э. Сайд отмечал созвучие и связь концепций ориентализма и идей о биологических основах расового неравенства [Said, 1985, р. 206]. Согласно исследователю, «весь вопрос об империализме, в том виде, в каком он обсуждался в конце девятнадцатого века как сторонниками империализма, так и его противниками, продвигал бинарную типологию передовых и отсталых (или подчиненных) рас, культур и обществ» [Ibid.]; «восточные народы рассматривались согласно системе

взглядов, которые были основаны на биологическом детерминизме и морально-политических установках» [Ibid., p. 207]. Таким образом, Э. Сайд выделял в ориентализме не только цивилизационную, но и расовую основу различий между Западом и Востоком, на что указывает в своем тексте и А. Н. Краснов.

Приводя общие черты индийцев как народа, А. Н. Краснов сразу оговаривается, что «таков отзыв о народе этом близко знакомых с ним англичан» (Краснов, 1898а, с. 162), отмечая то, что эта во многом нелестная характеристика является характеристикой покоренных, сделанная покорителями (Там же, с. 163), а относительно свойственности индийцам перечисленных им недостатков указывает, что причина этого не в особенностях национального темперамента, а в ненависти к угнетающим их чужеземцам, а также в широко распространенном невежестве¹¹ (Там же).

Заключение

Как было продемонстрировано на многочисленных примерах, описание индийской культуры в «письмах» А. Н. Краснова, хотя и не лишено стереотипизации и европоцентризма, в целом не соответствует ориенталистской парадигме, какой она приведена в труде Э. Саида. В индийских главах книги российского исследователя отсутствует бинарная оппозиция Востока и Запада; инаковость Индии и дистанция между индийской и российской культурами во многом преодолеваются за счет их сопоставления, особенного внимания именно к сходствам, а не к различиям. Во взгляде ученого отсутствует ощущение превосходства над восточной цивилизацией, стремление усмотреть в жителях Индии Другого, а в Востоке – чуждый и «радикально своеобразный объект», чем, согласно Э. Саиду, грешат исследователи-ориенталисты [Said, 1985, p. 98].

Представляется, что изучение трудов отечественных авторов XIX в. в контексте ориенталистских, имагологических и постколониальных теорий способно помочь выявить специфику российского ориентализма, что, в свою очередь, сделает возможным лучшее понимание российской исторической идентичности. Данное направление исследований видится несомненно продуктивным и заслуживающим большего внимания.

Примечания

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта 23-29-00962 «Полиморфизм российских научных экспедиций накануне Первой мировой войны: историко-этнографическое наследие отечественных естественно-научных экспедиций в Южную Азию и Южную Америку».

² Давид Схиммельпэнник ван дер Ойе – автор монографии «Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции», которая вышла на английском языке в 2010 г. Книгу Схиммельпэнника ван дер Ойе А. И. Рейтблат рассматривает в своей статье «“Ориентализм” и русский ориентализм (обзор книг по ориентализму в русских востоковедении и литературе)», увидевшей свет в журнале «Новое литературное обозрение» в 2020 г.

³ Включен в реестр иностранных агентов 25.09.2024 г.

⁴ Ориентализм и колониализм во многом взаимосвязаны; идеи и нарративы ориенталистов служили легитимизации колониальных проектов посредством изображения колонизированных народов Другими – чуждыми, закостенелыми, нуждающимися в западном влиянии и контроле. По наблюдению Э. Саида, как и в случае ориентализма, в основе империалистического дискурса также лежит бинарное деление мира на развитые и отсталые расы, культуры и общества [Said, 1979, p. 206].

⁵ Стихотворный перевод на русский язык популярного в Европе эпизода из третьей книги древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

⁶ Например: «Выезжаете вы на плоскогорье – и Индия превращается в Россию» (Краснов, 1898а, с. 84).

⁷ Париикрама – ритуальный обход по часовой стрелке вокруг святыни в индуизме, буддизме и сикхизме.

⁸ Веданта (санскр. «Завершение Вед») – родовое название целого ряда традиций индийской философско-религиозной мысли; единственный тип метафизической философии Индии, живой до сих пор [Индуизм. Джайнизм. Сикхизм, 1996, с. 116].

⁹ «Брахмо Самадж» (бенг. «Общество [почитания] Брахмана») – религиозное реформаторское общество, созданное в 1828 г. индийским религиозным и общественным деятелем Раммоханом Роем в Калькутте. В деятельности общества получили воплощение основные идеи Раммохана Роя –единобожие, отказ от идолопоклонничества, борьба с сектантством, стремление найти общую основу для различных религий [Индуизм. Джайнизм. Сикхизм, 1996, с. 85].

¹⁰ При этом, однако, А. Н. Краснов отмечает, что англичане стремятся поддерживать противоборство между индуистами и мусульманами, ослабляющее Индию и тем выгодное колонизаторам (*Краснов, 1898a*, с. 266).

¹¹ Стереотипизация национальных черт в целом очень характерна для XIX в., не избегает ее и А. Н. Краснов, однако примечательно то, что причины описанных им общеиндийских черт он видит не в национальном темперамента, а во внешних, временных по своей сути, причинах и обстоятельствах, в то время как в науке XIX в. главенствовал эссеистический взгляд на нацию и национальный характер [Leerssen, 2007].

Список источников

Краснов А.Н. Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного плавания. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1898а. 660 с.

Краснов А.Н. Натуралист на Кавказе: очерки. Пятигорск: Изд. электро-мех. тип. К.К. Кибардина, 1911. Вып. 2. 43 с.

Краснов А.Н. О полярных странах. Харьков: Изд. ком. Харьк. о-ва распространения в народе грамотности, 1904. 48 с.

Краснов А.Н. Чайные округи субтропических областей Азии. Культурно-географические очерки Дальнего Востока. Отчет Главному управлению уделов профессора А.Н. Краснова. Вып. 1. Япония. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1897. 244 с.

Краснов А.Н. Чайные округи субтропических областей Азии. Культурно-географические очерки Дальнего Востока. Отчет Главному управлению уделов профессора А.Н. Краснова. Вып. 2. Китай. Индия и Цейлон. Колхида. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1898б. С. 245–620.

Библиографический список

Абашин С.Н. В.П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...». Кризис ориентализмов Российской империи? // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. ст. к 50-летию со дня рождения проф. А.В. Ремнева / под ред. Н.Г. Суворовой. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2005. С. 47–102.

Бобровников В. Почему мы маргиналы? Заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида // Ab imperio. 2008. Т. 2008, № 2. С. 325–344. EDN: PBZRMT.

Буйнова К.Р. Далекое близкое: русские путешественники XIX в. О рабстве в Латинской Америке // Вестник Моск. ун-та. История. 2013. Вып. 5. С. 3–11. EDN: RMRWJR.

Буйнова К.Р. Латинская Америка в восприятии русских путешественников XIX – начала XX в. // Российская история. 2015. Вып. 2. С. 99–111. EDN: TRQBGZ.

Васильцов К.С. Россия и «азияты»: риторика и практика российского ориентализма // Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции). СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 8–26.

Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: словарь / под общ. ред. М.Ф. Альбедиль, А.М. Дубянского. М.: Республика, 1996. 576 с.

Кучерская М. История одного заблуждения (Эдвард В. Сайд. Ориентализм. Западные концепции Востока) // Отечественные записки. 2007. № 1. С. 363–365.

Резван М.Е. «Москва, Астрахань, Персия, Индия!» (вместо предисловия) // Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции) / отв. ред. М. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 7–16.

Рейтблам А.И. «Ориентализм» и русский ориентализм (обзор книг по ориентализму в русских востоковедении и литературе) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2020. № 1. С. 392–400. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2020/1/orientalizm-i-russkij-orientalizm.html> (дата обращения: 13.12.2024). EDN: JUDNZ.

Русско-индийские отношения в XIX веке: сб. архив. документов и материалов / отв. ред. П.М. Шаститко. М.: Восточная литература РАН, 1997. 374 с.

Савицкий Е.Е. Для чего нам нужны постколониальные исследования? // Вестник РГГУ. Литературология. Языкоизнание. Культурология. 2013. № 7 (108). С. 25–33. EDN: QIWZKX.

Стасевич И.В. Российские востоковеды и этнографы в Киргизии (история и перспективы изучения региона) // Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции) / отв. ред. М. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 36–61.

Эткинд А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // Ab imperio. 2002. Т. 2002, № 1. С. 265–298. EDN: PDAFIX.

- Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000a. Vol. 1, no. 4. P. 691–699.
- Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. 2000b. Vol. 59, no. 1. P. 74–100. EDN: HADFOP.
- Knight N. On Russian Orientalism: A Response to Adeeb Khalid // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000c. Vol. 1, no. 4. P. 701–715.
- Leerssen J. Imagology: History and method // Imagology / ed. by M. Beller, J. Leerssen. Leiden: Brill, 2007. P. 17–32.
- Said E.W. Orientalism. New York: Vintage Books, 1979.
- Said E.W. Orientalism Reconsidered // Cultural Critique. 1985. No. 1. P. 89–107.
- Schimmelpenninck Van Der Oye D. The Curious Fate of Edward Said in Russia // Études de lettres. 2014. No. 2-3. P. 81–94.
- Todorova M. Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 1, no. 4. P. 717–727.

Дата поступления рукописи в редакцию 16.10.2024

TRAVELOGUE BY ANDREI KRASNOV FROM HIS TRIP TO INDIA IN THE CONTEXT OF ORIENTALISM

K. A. Maretina

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, University Embankment, 3, St. Petersburg, 199034, Russia
ksenya.maretina@gmail.com
Scopus Author ID: 58160092600
Researcher ID: AIE-4654-2022
SPIN: 9085-2966

Indian chapters from the travelogue of Russian scientist and traveler Andrei Krasnov *From the Cradle of Civilization. Letters from the Circumnavigation* (1898) are considered in the context of Orientalism, in accordance with key concepts, set forth by Edward Said. Drawing on the polemic in Western academic circles concerning the supposed specificity of Russian orientalism, that was initiated in 2000 by Nathaniel Knight, the paper analyzes the perception by Andrei Krasnov of Indian culture, as well as colonial activities and attitudes of the British in India. The paper argues that in contrast to the concept of the dichotomy of East and West, which is pivotal for Orientalism, the Russian researcher focuses more on perceived similarities rather than differences between the cultures of the peoples of India and the Russian Empire. The result of this approach is the closing of civilizational gap and the deconstruction of the image of an Indian as the ontological “Other”. From the travelogue, the scientist’s ambivalent position towards the British in India also becomes apparent. He highly appreciates their contribution to the development of the country, but is critical of their attitude towards its population. A conclusion is made about the idiosyncrasy of the perception of Andrei Krasnov and the inconsistency of his reasoning with the paradigm of Orientalism. It is suggested that a close study of the works of Russian authors of the 19th century in the context of Orientalist and postcolonial theories can help better understand not only Russian Orientalism, but also Russian historical identity.

Key words: Travelogue, scientific expedition, historical and ethnographic heritage, British India, British Empire, orientalism, postcolonialism.

Acknowledgments

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of project 23-29-00962 «Polymorphism of Russian scientific expeditions on the eve of the First World War: historical and ethnographic heritage of domestic natural scientific expeditions to South Asia and South America».

References

- Abashin, S. N. (2005). V.P. Nalivkin: ‘...there will be what must inevitably be; and what must inevitably be, can no longer not be...’. Crisis of Orientalism of the Russian Empire? In N. G. Suvorova (Ed.), *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: sbornik nauchnykh statei. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya professora A. V. Remneva* [Asian Russia: People and structures of the empire: A collection of scientific articles. To the 50th anniversary of the birth of Professor A. V. Remnev] (pp. 47–102). Omsk State University Press.
- Albedil, M. F., & Dubyanskiy, A. M. (Eds.). (1996). *Induizm. Dzhainizm. Sikkhizm: Slovar'* [Hinduism. Jainism. Sikhism: Dictionary]. Respublika.

- Bobrovnikov, V. (2008). Why are we marginalised?: Notes in the margins of Edward Said's Russian translation of Orientalism. *Ab Imperio*, 2008(2), 325–344.
- Buinova, K. R. (2013). Distant close: Russian travelers of the 19th century. About slavery in Latin America. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Iстория*, 5, 3–11.
- Buinova, K. R. (2015). Latin America in the perception of Russian travelers of the 19th and early 20th centuries. *Rossiyskaya istoriya*, 2, 99–111.
- Etkind, A. (2002). The burden of the shaven man, or the internal colonisation of Russia. *Ab Imperio*, 2002(1), 265–298.
- Khalid, A. (2000). Russian history and the debate over orientalism. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 1(4), 691–699.
- Knight, N. (2000). Grigor'ev in Orenburg, 1851-1862: Russian orientalism in the service of Empire? *Slavic Review*, 59(1), 74–100.
- Knight, N. (2000). On Russian Orientalism: A response to Adeeb Khalid. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 1(4), 701–715.
- Kucherskaya, M. (2007). History of one misconception (Edward W. Said. Orientalism. Western concepts of the Orient). *Otechestvennye zapiski*, 1, 363–365.
- Leerssen, J. (2007). Imagology: History and method. In M. Beller & J. Leerssen (Eds.), *Imagology* (pp. 17–32). Brill.
- Reytblat, A. I. (2020). «Orientalism» and Russian Orientalism (review of books on Orientalism in Russian Asian studies and literature). *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1, 392–400. Retrieved December 13, 2024, from https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21990/
- Rezvan, M. E. (2019). «Moscow, Astrakhan, Persia, India!» (instead of a preface). In M. Rezvan (Ed.), *Russkiy orientalizm (nauka, iskusstvo, kollektivi)* [Russian Orientalism (science, art, collections)] (pp. 7–16). MAE RAN.
- Said, E. W. (1979). *Orientalism*. Vintage Books.
- Said, E. W. (1985). Orientalism reconsidered. *Cultural Critique*, 1, 89–107.
- Savitskiy, E. E. (2013). Why do we need postcolonial studies? *Vestnik RGGU. Серия: Literaturovedenie. Языкоznание. Kul'turologiya*, 7(108), 25–33.
- Schimmelpenninck van der Oye, D. (2014). The curious fate of Edward Said in Russia. *Études de lettres*, 2-3, 81–94.
- Shastitko, P. M. (Ed.). (1997). *Russko-indiyskie otnosheniya v XIX v. Sbornik arkhivnykh dokumentov i materialov* [Russian-Indian relations in the 19th century. Collection of archival documents and materials]. “Vostochnaya literatura” RAN.
- Stasevich, I. V. (2019). Russian orientalists and ethnographers in Kyrgyzstan (history and prospects of studying the region). In M. Rezvan (Ed.), *Russkiy orientalizm (nauka, iskusstvo, kollektivi)* [Russian Orientalism (science, art, collections)] (pp. 36–61). MAE RAN.
- Todorova, M. (2000). Does Russian orientalism have a Russian soul? A contribution to the debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 1(4), 717–727.
- Vasil'tsov, K. S. (2019). Russia and the «Asians»: Rhetoric and practice of Russian Orientalism. In M. Rezvan (Ed.), *Russkiy orientalizm (nauka, iskusstvo, kollektivi)* [Russian Orientalism (science, art, collections)] (pp. 8–26). MAE RAN.